

ЦЕРКОВЬ И СОВѢТСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

I.

Опубликованное 19-го августа 1927 г. посланіе замѣстителя мѣстоблюстителя престола патріаршаго, митрополита Сергія, и образовавшагося въ маѣ того же года временнаго патріаршаго священнаго синода естественно обратили умственные взоры къ вопросу о взаимоотношеніи церкви и государства въ совѣтской Россіи. Ибо если въ церкви, какъ таковой, отъ этого посланія ничто не измѣнилось ни на-іоту, то въ отношеніи ея къ государству намечается нѣкоторый сдвигъ. Какой именно — на этотъ вопросъ можно отвѣтить только, если ясно представить себѣ ту тревожную обстановку, въ которой церкви и вообще вѣроисповѣдныя общества пребываютъ въ нашемъ отечествѣ.

Обстановка эта за десятилѣтнее существованіе совѣтской власти подвергалась значительнымъ измѣненіямъ, и это несмотря на неизмѣнность того факта, который, казалось бы, долженъ бы былъ ее однозначно опредѣлять. Фактъ этотъ заключается въ неизмѣнномъ на протяженіи всего десятилѣтняго господствованія того именуемаго російской коммунистической партіей социальнаго обра-

зованія, однимъ изъ аспектовъ коего является аспектъ религіозной секты, исповѣдующей воинствующій матеріализмъ въ его марксистской разновидности. Правда, этотъ матеріализмъ сознательно и искренно исповѣдуютъ, быть можетъ, лишь немногіе члены группы; но исповѣдуютъ его какъ разъ вожди, что, при авторитетномъ построении партіи, имѣетъ рѣшающее значеніе. Что касается партійной периферіи и примкнувшихъ къ ней слоевъ, то ихъ явно прельщаетъ этическое ученіе новой религіи, которое они, къ тому же, упрощаютъ до одной единственной формулы: «все позволено».

Такимъ образомъ, воинствующій матеріализмъ становится не только исповѣданіемъ новой власти, но и живой двигательной силой. Эта сила, естественно, вступаетъ въ борьбу съ тѣми силами, которыя мѣшаютъ ея развитію, въ особенности съ исторически данными спиритуалистическими религіями, а изъ нихъ въ первую очередь съ православіемъ; ибо противорѣчіе между религіознымъ ученіемъ церкви и оффиціальной философией коммунистической партіи, какъ то подчеркивается въ извѣстномъ посланіи соловецкихъ епископовъ, было и остается совершенно непримиримымъ.

Новая власть показала, что она не боится осуществлять свои цѣли «кровью и желѣзомъ». Не была лишена она физической возможности примѣнить этотъ методъ и при насажденіи своего міровоззрѣнія и соотносительномъ ему разрушеніи внѣшнихъ проявленій историческихъ религій. Она, несомнѣнно, и примѣняла его; длинный мартирологъ умученныхъ ею служителей алтаря служитъ тому непреложнымъ доказательствомъ. Но основнымъ этотъ методъ не былъ. Новая власть была твердо увѣрена, что «религія» (она при этомъ не сознавала, что ея ученіе есть своеобразная религія) есть «опіумъ для народа», что стоитъ

лишить эту религію государственной поддержки и одновременно широко развить дѣятельность по изобличенію таящагося въ ней обмана, и религія со всѣми своими внѣшними проявленіями падеть сама собой; примѣненіе же насильственныхъ мѣръ борьбы съ «религіозными предрасудками», какъ показываетъ хорошо извѣстный ей опытъ французской революціи, приводитъ лишь къ фанатизаціи массъ и, слѣдовательно, къ удлиненію борьбы. Эти мысли были высказаны вмѣстѣ съ приступомъ къ борьбѣ противъ церкви и религіи. Онѣ нѣсколько поблекли въ пылу той интегральной борьбы противъ стараго міра, которымъ является коммунистическій эспериментъ, но возродились съ новой силой, когда опытъ показалъ невозможность создать новый міръ — все равно, матеріальный или духовный — методомъ властнаго приказа. Въ рядѣ актовъ, относящихся къ эпохѣ перелома (который въ духовной области наступилъ нѣсколько позже, нежели въ матеріальной) звучатъ прямо покаянныя нотки. «Революціонное профессиональное движеніе, читаемъ мы въ циркулярѣ Всероссійск. Центр. Совѣта Проф. Союзовъ отъ 9-го іюня 1923 г., руководствуется въ своей борьбѣ марксистскою, научно-материалистическою точкою зрѣнія, отрицающею вообще всякую религію. Однако, окончательное освобожденіе рабочихъ отъ религіозныхъ предрасудковъ можетъ явиться лишь въ результатѣ длительной воспитательной культурной работы, послѣдовательно прививающей широкимъ массамъ членовъ союзовъ материалистическое пониманіе исторіи и природы... Эта борьба должна вестись не случайными постановленіями и административными наскоками на религію, а посредствомъ настойчивой планомѣрной пропаганды материализма». Годъ спустя, XIII съѣздъ всероссійской коммунистической партіи постановилъ:

«Необходимо рѣшительно ликвидировать какія бы ты ни было попытки борьбы съ религіозными предрасудками мѣрами въ родѣ закрытія церквей, синагогъ, мечетей и т. д. Антирелигіозная пропаганда въ деревнѣ должна носить характеръ исключительно матеріалистическаго объясненія явленій природы и общественной жизни, съ которыми сталкиваются крестьяне... Особенно внимательно необходимо слѣдить за тѣмъ, чтобы не оскорблять религіознаго чувства вѣрующихъ, побѣда надъ которымъ можетъ быть достигнута только очень длительною, на годы и десятилѣтія рассчитанною работою просвѣщенія». А на имѣвшемъ мѣсто осенью того же года пленумѣ центрального комитета грузинской коммунистической партіи одинъ изъ участниковъ воскликнулъ: «Нѣтъ въ нашей партіи сейчасъ ни одного серьезнаго товарища, который бы не считалъ, что въ церковномъ вопросѣ мы переборщили. Разговоры о томъ, что крестьянинъ церкви не хочетъ и что онъ добровольно пошелъ на ея закрытіе, — это самообманъ... надо исправить допущенную ошибку. Это значитъ — предоставить каждому крестьянину пользоваться церковью..., сдать имъ ключи, и какъ хотятъ они, такъ пусть и молятся... Здѣсь мы встрѣтимся съ сопротивленіемъ уѣздныхъ нашихъ товарищей».

Это «сопротивленіе уѣздныхъ товарищей» имѣло и имѣетъ мѣсто даже въ очень значительномъ масштабѣ. Но и высшіе совѣтскіе центры, какъ покажетъ дальнѣйшее изложеніе, далеко несвободны отъ непослѣдовательностей. Какъ бы то ни было, остается несомнѣннымъ, что, отчасти въ силу апріорныхъ соображеній, отчасти на основаніи указаній опыта, новая власть въ отношеніи церкви и религіи взяла за основу политику, которая можетъ быть формулирована, какъ постановленіе религіи въ возможно невыгодныя условія соревнованія съ проповѣдываемымъ государ-

ствомъ антирелигіознымъ (какъ кажется власти) міровоззрѣніемъ. Нельзя не подчеркнуть, что принятіе этой политики объясняется исключительно тактическими соображеніями, а отнюдь не уваженіемъ къ принципу свободы совѣсти. «Истинная свобода совѣсти есть свобода отъ религіозныхъ предразсудковъ», читаемъ мы постоянно въ заявленіяхъ вождей РКП и стоящихъ къ нимъ идеологически близко лицъ.*)

Съ теченіемъ времени положеніе вещей, однако, осложнилась. Новая власть, которая въ общемъ проявила оппортунизмъ въ степени, до сихъ поръ въ исторіи не встрѣчавшейся, усмотрѣла, что гордая позиція конфессіональнаго индифферентизма представляется для нея невыгодною. Она установила, что можетъ найти нѣкоторое сочувствіе среди сектантовъ, вѣроученія коихъ при старомъ строѣ принадлежали къ числу лишь терпимыхъ или даже гонимыхъ, если предоставить имъ нѣкоторыя привилегіи. Она разыскала въ составѣ большихъ церквей, особенно православія, недовольные элементы, которые легко было привлечь къ себѣ при условіи предоставленія имъ возможности выбиться наверхъ и открытія передъ ними перспективы захвата соотвѣтствующихъ вѣроисповѣданій въ свои руки. Она, наконецъ, поняла внутреннюю невозможность проводить политику раскрѣпощенія «угнетенныхъ національностей» при одновременномъ подавленіи тѣсно сросшихся съ ними вѣроисповѣданій. Власть, поэтому, отказалась отъ догматически необходимаго для нея вѣроисповѣднаго безразличія, т. е. отъ

---

*) См. напр., книгу Г. С. Гуревича: «Исторія совѣтской конституціи», Москва, 1923 г., въ которой доказывается ошибочность постановленія проекта конституціи, объявлявшаго религію частнымъ дѣломъ гражданъ (стр. 79-80). Интересно отмѣтить, что эта, почитаемая чуть-ли не «меньшевицкимъ уклономъ» формула воспринята ст. 1 грузинскаго декрета объ отдѣленіи церкви отъ государства отъ 15-го апр. 1921 г. и конституціей армянской соц. сев. республики.

политики постановленія спиритуалистическихъ религій въ состояніе равнаго для всѣхъ безправія, и приняла систему безправія градуированнаго, повторяя при этомъ наизнанку систему нашего дореволюціоннаго церковнаго права, степенившаго религіи по количеству предоставляемыхъ имъ полномочій.

Новая система осуществляется разными приёмами. Градуированное безправіе можетъ, прежде всего, покоиться на различномъ примѣненіи тѣхъ неограниченныхъ полномочій, которыми въ отношеніи гражданъ располагаютъ органы совѣтскаго государства, какъ государства деспотическаго, не связаннаго въ своей дѣятельности субъективными публичными правами гражданъ. Органы чеки, а нынѣ ГПУ, могутъ арестовать, сослать или разстрѣлять всякаго. И они арестовываютъ, ссылаютъ и разстрѣливаютъ священнослужителей однихъ религій, и оставляютъ въ покоѣ другихъ. Мѣстные совѣты вольны передавать ставшіе «народнымъ достояніемъ» храмы въ пользованіе любой группѣ вѣрующихъ. И они пристрастно предоставляютъ храмы покровительствуемымъ религіознымъ группамъ, оставляя другія, болѣе многочисленныя, безъ всякой возможности совершать общественное богослуженіе.

Вторымъ приёмомъ является широкое пользованіе т. наз. разрѣшительной системой. При помощи этой системы легализуется напр. обновленческая іерархія и оставляется безъ возможности гражданскаго существованія іерархія православной церкви. Съ другой стороны, одной изъ наиболѣе покровительствуемыхъ религій, а именно магометанству, предоставляются такія возможности въ дѣлѣ религіознаго воспитанія юношества, о которыхъ остальные религіи въ совѣтской Россіи не могутъ и мечтать.

Третій приёмъ состоитъ въ территориальномъ

модифицированія совѣтскаго «церковнаго права». Приѣмъ этотъ возможенъ потому, что законодательство, опредѣляющее положеніе церквей и иныхъ вѣроисповѣдныхъ обществъ, представляется въ совѣтскомъ союзѣ децентрализованнымъ. Оно исходитъ не отъ верховныхъ органовъ союза, а отъ органовъ т. наз. союзныхъ республикъ, т. е. тѣхъ государствъ, которыя, по конституціи, образуютъ совѣтскій союзъ. Поскольку нѣкоторыя изъ этихъ республикъ заключаютъ въ себѣ полусамостоятельныя части, именуемая автономными республиками (въ РСФСР). или распадаются на союзныя республики второго ранга (въ Закавказьѣ), децентрализація идетъ еще дальше, т. к. права союзныхъ республикъ по разсматриваемому вопросу переносятся на органы только что названныхъ подчиненныхъ политическихъ образований. Такимъ образомъ, возникаетъ теоретическая возможность существованія въ совѣтскомъ союзѣ свыше двадцати различныхъ системъ опредѣленія положенія религіи въ государствѣ. Дѣйствительность представляется, правда, гораздо болѣе простой. Извѣстно, что правительства всѣхъ «независимыхъ» и «полунезависимыхъ» республикъ, фигурирующихъ на картѣ современной Россіи, представляются послушными орудіями въ рукахъ единой, сильно централизованной коммунистической партіи. Это единство направляющей воли приводитъ къ тому, что законодательные акты и дополнительные къ нимъ инструкціи, исходящія отъ разныхъ государствъ, по общему правилу походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ правящая организація пользуется сложностью видимаго строенія совѣтскаго государства для того, чтобы способы осуществленія своихъ цѣлей принаравливать къ мѣстнымъ условіямъ. Этотъ приѣмъ примѣняется, между прочимъ, и по вопросу объ отношеніи

государства къ церкви и вѣроисповѣднымъ обществамъ.

Такова техника нынѣ дѣйствующей системы. Не всегда всѣ входящія въ ея составъ приемы пользуются на совѣтскомъ верху равной излюбленностью. Третій изъ нихъ представляется какъ будто наиболѣе устойчивымъ. Использование перваго и втораго достигло пароксизма въ эпоху борьбы за изытіе церковныхъ цѣнностей и заточенія патріарха Тихона. Когда выяснился полный провалъ обновленчества, когда выяснилось, что легче просто совратить многихъ въ воинствующій матеріализмъ, нежели привлечь ихъ въ церковь, явно связанную съ органами политической полиціи, когда выяснилось, что православіе можно загнать въ подполье, но нельзя его разрушить, то власть торжественно заявила объ отреченіи отъ этихъ приемовъ. «Запрещается всѣмъ государственнымъ установленіямъ, читаемъ мы въ § 7 инструкціи нар. комисс. юстиціи и внутр. дѣлъ отъ 19-го іюня 1923 г., путемъ административнаго вмѣшательства поддерживать нѣкоторый культъ или какое-либо церковное управленіе въ ущѣрбъ другимъ культамъ или религіознымъ группировкамъ». Нѣтъ, конечно, сомнѣній въ томъ, что эта декларация осталась только декларацией. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и посланіе соловецкихъ епископовъ, и посланіе митрополита Сергія. Многочисленные подтвержденія этому тезису дасть дальнѣйшее изложеніе.

II.

«Церковь отдѣляется отъ государства», гласитъ ст. 1 декрета совѣта нар. комиссаровъ РСФСР отъ 23-го января 1918 г. (Собр. Узакон. 1918 г. № 18, ст. 263) Въ томъ пониманіи, которое даетъ этой статьѣ совѣтская власть, заключается, од-

нако, гораздо большее. «У церкви отнимается юридическая возможность существованія», — вотъ формула, гораздо болѣе точно передающая дѣйствительное положеніе вещей, первоначально распространявшееся на всѣ религіи, а со времени изобрѣтенія системы градуированнаго безправія справедливое лишь въ отношеніи тѣхъ вѣроисповѣдныхъ обществъ, которыя не принадлежатъ къ числу покровительствуемыхъ.

Содержаніе этой формулы раскрывается съ большей отчетливостью въ нижеслѣдующемъ разъясненіи отдѣла культовъ народнаго комиссаріата юстиціи (НКЮ), являвшагося вплоть до осени 1924 г. *) основнымъ органомъ совѣтской власти въ ея отношеніяхъ къ церкви. «Декретъ 1918 г. не признаетъ церкви или религіознаго общества, какъ юридическаго института, а допускаетъ существованіе лишь отдѣльныхъ религіозныхъ группъ гражданъ. По духу совѣтскаго законодательства, каждая такая группа — это вполне самодовлѣющая церковь, которая можетъ устанавливать собственную жизнь и имѣть какія угодно вѣроисповѣданія, лишь бы при этомъ не нарушался законный и общественный порядокъ и не затрагивались права гражданъ совѣтской Россіи» (разъясненіе 25-го августа 1922 г.)**) Въ силу этихъ соображеній, отдѣлъ культовъ приходитъ къ тому выводу, что іерархическая организація церкви, какъ-то благочинническая, епархіальная или центральная, не подлежатъ регистраціи. Значеніе этого положенія можетъ быть понято только, если имѣть въ виду, что на основаніи п. 4 инструкціи всеррос.

---

*) Когда онъ былъ замѣненъ отчасти особымъ секретариатомъ при предсѣдателѣ всеррос. центр. исполн. комитета по дѣламъ культовъ (декр. 25 август. 1924 г.), отчасти отдѣл. общихъ дѣлъ центр. административнаго управленія нар. комиссаріата внутреннихъ дѣлъ (НКВД).

**) Всѣ свѣдѣнія объ инструкціонной дѣятельности совѣтской власти заимствованы изъ книги проф. П. В. Гидулянова «Отдѣленіе церкви отъ государства», изд. 3-е, Москва, 1926 г.

центр. исполн. комитета о регистраціи обществъ отъ 10 авг. 1922 г., не зарегистрированные общества объявляются закрытыми.

Въ болѣе конкретной формѣ проявилась точка зрѣнія совѣтской власти въ циркулярѣ НКЮ отъ 18-го мая 1920 г., который предлагаетъ всѣмъ губ. исполн. комитетамъ прекращать дѣятельность бывшихъ консисторій, нынѣ переименованныхъ въ епархіальные совѣты, правленія, управленія и т. д., какъ бы они ни назывались и къ какому бы культу ни принадлежали, всюду, гдѣ эти послѣднія ее осуществляютъ, опираясь на слегка измененные старые законы, и гдѣ эти, воспрещенныя ст. 12 декрета*) организаціи присваиваютъ себѣ, въ качествѣ юридическихъ лицъ, карательныя, налоговыя, финансовыя, хозяйственныя и т. п. функціи, а равно привлекать виновныхъ къ уголовной отвѣтственности. Въ развитіе этого циркуляра, отдѣлъ культотъ разъяснилъ, что къ числу нелегальныхъ объединеній относятся и такъ назыв. объединенные совѣты религіозныхъ обществъ, незаконно издающіе циркуляры; въ случаѣ появленія на свѣтъ такихъ циркуляровъ, послѣдніе должны быть направляемы къ прокурору и въ государственное политическое управленіе (25-го мая 1923 г.). При всякомъ удобномъ случаѣ отдѣлъ культотъ разъясняетъ, что подчиненіе отдѣльныхъ группъ вѣрующихъ, въ томъ числѣ и священнослужителей, своему епископу является совершенно добровольнымъ и что, напр., смѣщеніе обязательно для священника лишь постольку, поскольку онъ самъ готовъ ограничить свою культовую дѣятельность.

Въ болѣе позднее время въ связи съ намѣтившейся тенденціей благопріятствованія теченьямъ направленнымъ на разложеніе православной церк-

---

*) Ст. 12 декрета въ дѣйствительности такого содержанія не имѣетъ (см. ниже гл. III).

ви, совѣтская власть нѣсколько видоизмѣнила свою позицію. Въ силу ст. ст. 8 и 9 инструкціи отъ 27-го апр. 1923 г., религіозныя общества одного культа могутъ организовывать губернскіе и всероссійскіе съѣзды въ порядкѣ общаго постановленія о съѣздахъ отъ 12-го іюня 1922 г., а эти съѣзды могутъ избирать исполнительные органы. При оцѣнкѣ этого постановленія нужно имѣть въ виду, что оно придерживается разрѣшительной системы, при наличности которой власть можетъ въ разрѣшеніи на созывъ съѣзда отказать безъ приведенія мотивовъ. Практика показываетъ, что это право свободнаго усмотрѣнья осуществляется со значительной долей пристрастія: какъ замѣчаетъ разъясненіе отдѣла культовъ отъ 28-го іюля 1924 г., разрѣшенія на созывъ съѣздовъ и избраніе исполнительныхъ органовъ давалось только сектантамъ и обновленцамъ. Въ качествѣ исполнительныхъ органовъ, избранныхъ губернскими или иными съѣздами представителей религіозныхъ группъ и обществъ и зарегистрированныхъ къ административныхъ отдѣлахъ и существуютъ обновленческія «епархіальныя управленія» (разъяс. НКЮ 13-го окт. 1923 г.). Въ связи съ расвадомъ живоцерковничества на множество толковъ, возможенъ параллелизмъ такихъ управленій. Ибо, какъ разъясняетъ НКЮ (29-го сент. 1924 г.), «если обновленцы составятъ свой съѣздъ и выберутъ свой исполнительный органъ, то нельзя воспретить антониновцамъ, живой церкви и т. п. созывать свои съѣзды и избирать свои исполнительные органы». Для тѣхъ вѣроученій, которыя не являются гонимыми, возникаетъ возможность объединенія даже во всесоюзномъ масштабѣ путемъ обращенія въ совѣтъ народныхъ комиссаровъ союза («Извѣстія», 1924 г. № 107).

Общеизвѣстно, что православная церковь до настоящаго времени добиться легализаціи своей

іерархіи на почвѣ инструкции 27-го апр. 1923 г. не могла. Какъ говорится въ посланіи соловецкихъ епископовъ, «ей не разрѣшается устраивать центральные и епархіальные органы управленія, епископы не допускаются въ епархіи, вынуждены бываютъ отказываться отъ проповѣди, посѣщенія общинъ, иногда даже посвященія; около половины православныхъ епископовъ томится въ тюрьмѣ и ссылкѣ». Допущеніе образованія временнаго патріаршаго синода въ маѣ 1927 г. произошло въ порядкѣ сепаратнаго разрѣшенія. И только, если осуществятся надежды, выраженные въ посланіи митрополита Сергія, окажутся легализованными уѣздныя и епархіальныя управленія.

Въ связи съ сосуществованіемъ церквей съ разными правовыми статутами возникаютъ отъ времени до времени попытки «командованія» со стороны привилегированныхъ религіозныхъ группъ. О такихъ претензіяхъ мы узнаемъ преимущественно изъ сообщеній объ отклоненіи ихъ подлежащими совѣтскими органами. Такъ украинскій НКЮ принужденъ былъ разъяснить, что «ни украинскій православный церковный совѣтъ, ни его отдѣленія не имѣютъ права посылать свои распоряженія въ неподвѣдомственные имъ приходы и монастыри». Что касается РСФСР, то отдѣлу культовъ пришлось разъяснить, что нельзя требовать визы обновленческаго епархіальнаго управленія для крестнаго хода, устраиваемаго гражданами, не принадлежащими къ обновленческой церкви (разъясн. 30 мая 1924 г.). Также отклонилъ отдѣлъ ходатайство одного обновленческаго епископа о предоставленіи подчиненному ему духовенству льготъ по отношенію къ подоходно-имущественному налогу и къ квартирной платѣ (разъясн. 13-го апр. 1923 г.). Власть отклонила эти претензіи потому что ей гораздо выгоднѣе держать покровительствуемыя религіозныя об-

щества въ той тѣсной отъ себя зависимости, которая всегда имѣетъ мѣсто при перспективѣ полученія потерянныхъ льготъ, нежели разъ навсегда удовлетворить ихъ пожеланія и предоставить имъ власть въ абстрактной формѣ. Но если власть не даетъ покровительствуемымъ религіознымъ обществамъ тѣхъ правъ, которыхъ онѣ домогаются, то фактически искреннія ихъ пожеланія отъ времени до времени исполняетъ. Дѣло принимаетъ при этомъ иногда курьезный для принципиально отдѣлившася отъ церкви государства формы. Такъ, Юрьевъ-Польскій уѣздный отдѣлъ управления позволилъ себѣ не утвердить произведенную религіознымъ обществомъ баллотировку священнослужителей (Гидуляновъ, 2-е изданіе, стр. 125), а иркутскій губ. административный отдѣлъ сдѣлалъ попытку предоставленія права отправлять богослуженіе только «зарегистрированнымъ» служителямъ культа.*)

Если православіе еще только добивается легализаціи, и если сектанты и обновленцы располагаютъ ею въ довольно неудовлетворительной формѣ, то вѣроисповѣданія армяно-грегоріанское**) и мусульманское пользуются, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ совѣтскаго союза, выгодами молчаливаго признанія историческихъ формъ своего бытія. Въ Арменіи изданъ, правда, декретъ, носящій наименованіе декрета объ отдѣленіи церкви отъ государства (26-го ноября 1922 г.) но въ текстѣ его соотвѣтствующаго постановленія

---

*) Въ періодъ борьбы между экзархистами и автокефалистами на Украинѣ, Кіевскимъ уѣзднымъ съѣздомъ пезаможныхъ селянъ была вынесена резолюція, требующая украинизаціи богослуженія. Эта резолюція вызвала, естественно, рѣзкую отвѣдь со стороны НКЮ, который разъяснилъ, что всѣ религіи контрреволюціонны, и что незаможные селяне должны агитировать за полное раскрыпощеніе отъ вѣковыхъ оковъ религіознаго гнета, а не за производство богослуженія на томъ или иномъ языкѣ.

**) Это вѣроисповѣданіе, очевидно, привилегируется съ цѣлью создать контрастъ съ печальной памяти гоненіями начала XX вѣка.

просто не заключается. Въ Азербейджанѣ такого декрета нѣтъ вовсе. Наконецъ, въ Узбекистанѣ и Туркменистанѣ изданный умершей въ 1924 г. туркестанской республикой декретъ объ отдѣленіи церкви отъ государства фактически отмѣненъ въ отношеніи мусульманскаго вѣроисповѣданія.

III.

Если совѣтское право по общему правилу игнорируетъ церковь, какъ таковую, то болѣе милостиво оно къ мелкимъ церковнымъ ячейкамъ: ст. 10 декрета 1918 г. прямо упоминаетъ о церковныхъ и религіозныхъ обществахъ и устанавливаетъ, что таковыя подчиняются общимъ положеніямъ о частныхъ обществахъ и не пользуются никакими преимуществами и субсидіями. Дальнѣйшія статьи декрета болѣе детально очерчиваютъ юридическое положеніе такихъ обществъ. Въ силу ст. 11, они не имѣютъ права принудительнаго обложенія и права наложенія взысканія на своихъ членовъ. Въ силу ст. 12, они не имѣютъ права владѣть собственностью и не имѣютъ права юридического лица. Но, въ силу ч. 2 ст. 13, именно имъ передаются въ безплатное пользованіе зданія и предметы, предназначенныя спеціально для богослужебныхъ цѣлей.

На почвѣ этихъ постановленій оказалось возможнымъ легализовать дѣятельность приходовъ. Въ настоящее время въ РСФСР приходы могутъ быть построены на двойной юридической основѣ: 1) или въ качествѣ группъ вѣрующихъ» въ порядкѣ инструкции НКЮ отъ 24 авг. 1918 г. объ отдѣленіи церкви отъ государства (Собр. Указоненій 1918 г. № 62, ст. 685, или 2) въ качествѣ религіознаго общества, подлежащаго регистраціи въ порядкѣ особой инструкции НКЮ и Нар. Ком.

Вн. Дѣль отъ 27-го апрѣля 1923 г. Двойственность структуры первичныхъ религіозныхъ ячеекъ заимствована изъ «россійскаго» законодательства законодательствами Бѣлоруссіи и Азербейджана. На Украинѣ и въ Грузіи проводится, наоборотъ, единство типа ихъ путемъ полнаго приравниванія ихъ обществамъ, не преслѣдующимъ цѣли извлеченія прибыли. Въ Арменіи церковныя общины не подверглись регулированію со стороны государства и продолжаютъ жить цѣликомъ на почвѣ нормъ соотвѣтствующаго религіознаго права. То же самое имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ мусульманскимъ ячейкамъ въ республикахъ туркменской и узбекской, въ коихъ, однако, въ отношеніи христіанскихъ общинъ проведено законодательство РСФСР.

Возвращаясь къ этому послѣднему, какъ опредѣляющему правовое строеніе приходовъ въ большей части совѣтскаго союза, должно установить, что отличія между обѣими формами ихъ организацион представляются на первый взглядъ незначительными: минимальное число членовъ «культурной группы» — 20, а религіознаго общества — 50; религіозное общество имѣетъ свой уставъ, тогда какъ у группы вѣрующихъ онъ отсутствуетъ; вступить въ культурную группу послѣ ея учрежденія можетъ каждый гражданинъ того же вѣроисповѣданія, пріобрѣтая тѣмъ самымъ право на участіе въ управленіи культурнымъ имуществомъ; зачисленіе же въ религіозное общество производится открытымъ голосованіемъ общаго его собранія. Послѣднее изъ приведенныхъ отличій представляется, однако, далеко не столь мало-важнымъ, какъ кажется: если религіозное общество является замкнутой организаціей, то группа вѣрующихъ оказывается неопредѣленнымъ единствомъ: членами ея почитаются не только тѣ 20 гражданъ, которые фигурируютъ въ соглашеніи

съ совдепомъ, а всѣ мѣстные жители соответствующей религіи; всѣ они имѣють право участвовать въ общемъ собраніи группы, и каждымъ изъ нихъ можетъ быть подана начальству жалоба на стѣсненіи его правъ, хотя бы противъ той же «двадцатки» (Гидуляновъ, стр. 130). Ясно, что съ этими аморфными группами власть рассчитываетъ легче справиться, нежели съ религіозными обществами. Поэтому она предназначаетъ форму религіозныхъ обществъ преимущественно для группировки членовъ покровительствуемыхъ исповѣданій, въ особенности сектантовъ (Гидуляновъ, стр. 128), и не только не требуетъ преобразования существующихъ группъ вѣрующихъ въ общества, какъ то было первоначально понято на мѣстахъ, но почитаетъ такое преобразование даже нежелательнымъ (разъясн. НКЮ 11-го апр. 1924 г.).

Процессъ образования группы вѣрующихъ или религіознаго общества мыслится въ основѣ, какъ свободный. Это не значитъ, однако, что власть устраняетъ себя отъ всякаго участія въ немъ. Прежде всего, она можетъ оказаться передъ выборомъ между нѣсколькими претендентами на тотъ же храмъ. Эти претенденты нормально кажутся представителями патріаршей церкви съ одной стороны и отколовшихся отъ нея группировокъ съ другой. Разрѣшеніе этого вопроса пришлось раньше всего дать украинской республикѣ въ связи съ борьбой между экзархистами и автокефалистами, борьбой, въ исходѣ которой правительство, тогда еще не проводившее ускоренной украинизаціи, не было заинтересовано. Въ ту эпоху правительствомъ были отклонены притязанія іерархіи автокефалистовъ на распоряженіе всѣми существующими на Украинѣ храмами; было рѣшено, что церкви должны быть передаваемы той группѣ прихожанъ, которая составляетъ большинство ихъ и что права меньшинства могутъ быть ограждены

лишь тамъ, гдѣ мѣстный исполнительный комитетъ признаетъ возможнымъ это сдѣлать. При этомъ было установлено, что большинство подлежитъ опредѣленію путемъ подворной переписи прихожанъ, производимой двумя хорошо грамотными переписчиками, по одному отъ каждой изъ борющихся сторонъ. Въ РСФСР отдѣлъ культотъ предложилъ губ. исполн. комитетамъ разрѣшать возникающіе между группами споры изъ-за обладанія храмомъ мирнымъ путемъ, распредѣливъ въ каждомъ приходѣ наличные храмы между группами стараго и новаго толковъ по возможности сообразуясь съ количествомъ населенія и предоставивъ каждому толку въ каждомъ приходѣ по одному храму (разъясн. 23 янв. 1924 г.). Несомнѣнно, однако, что эта директива на практикѣ выполнена была такъ какъ видно изъ посланія соловецкихъ епископовъ, кафедральные соборы были почти повсемѣстно предоставлены обновленцамъ и оказались въ связи съ этимъ пустующими.

При образованіи «группъ вѣрующихъ» и «религіозныхъ обществъ» власть должна далѣе наблюдать за тѣмъ, чтобы одни и тѣ же граждане не значились въ качествѣ членовъ нѣсколькихъ группъ или обществъ (разъясн. 8-го марта 1924 г.). Наконецъ, она должна допускать ко вхожденію въ эти группы только гражданъ, фактически могущихъ пользоваться храмомъ, хотя бы и проживающихъ въ разныхъ городахъ (разъясн. 28-го июня 1924 г.). Правила эти преподаны въ предупрежденіе обхода постановленій о минимальномъ составѣ группъ и обществъ.

Для полученія въ пользованіе «культурнаго имущества» какъ группа вѣрующихъ такъ и религіозное общество должны заключить особый договоръ съ мѣстнымъ совдепомъ, какъ представителемъ государства, достояніемъ коего, въ силу ч. I ст. 13 декрета 1918 г., стало все имущество

существовавших ко времени его издания религиозныхъ установлений. Содержаніе этого договора, согласно § 8 инструкции 24-го августа 1918 г., сводится къ обязательству для принимающихъ культовое имущество: 1) хранить и беречь его «какъ народное достояніе»; 2) производить ремонтъ и вообще связанные съ пользованіемъ имъ расходы; 3) пользоваться имъ исключительно для религиозныхъ потребностей; 4) имѣть постоянно пополняемую инвентарную опись имущества и 5) допускать безпрепятственно во внѣбогослужебное время уполномоченныхъ совдепа къ осмотру и провѣркѣ имущества.

Расторженіе договоровъ съ группами вѣрующихъ, согласно постановленію Президіума ВЦИКа отъ 23-го марта 1923 г., принадлежитъ президіумамъ губ. исполнит. комитетовъ. Въ силу § 4 инструкции 19-го іюня 1923 г., расторженіе должно имѣть мѣсто: 1) при обнаруженіи участія церковной группы въ контръ-революціонныхъ выступленіяхъ и 2) при обнаруженіи злоупотребленій церковнымъ имуществомъ или растраты его. По разъясненіямъ НКЮ, поводами къ расторженію договора являются также паденіе числа членовъ группы ниже установленнаго минимума и желаніе президіума передать пользование храмомъ другой, болѣе благонадежной группѣ. Это послѣднее предположеніе расторженія договора является, конечно, однимъ изъ могущественныхъ орудій покровительства однимъ вѣроисповѣданьямъ и угнетенія другихъ. Такимъ же удобнымъ орудіемъ является постановленіе ст. 10 приложеннаго къ инструкции 27-го апрѣля 1923 г. типового договора, въ силу котораго поводомъ къ закрытію религиознаго общества является и «арестъ части членовъ его», арестъ, цѣликомъ зависящій отъ усмотрѣнія мѣстной власти.

Итакъ, приходы существуютъ не только факти-

чески, но, подъ вышеуказанными наименованіями, и юридически. Но не велики и не прочны ихъ права. При опредѣленіи таковыхъ совѣтская власть исходитъ изъ того положенія, что все имущество, которымъ они пользуются, является «народнымъ достояніемъ», и что приходскія организациі приравнены къ частнымъ обществамъ и при томъ лишены правъ юридического лица.

Въ первомъ отношеніи признается допустимымъ: 1) закрытіе храма внѣ условій, указанныхъ выше для расторженія договора, но при условіи: а) остраго недостатка въ данной мѣстности въ помѣщеніяхъ для жилищныхъ, санитарныхъ, культурно-просвѣтительныхъ или иныхъ цѣлей; б) фактической возможности использовать для этихъ цѣлей закрываемый храмъ и в) соотвѣтственности мѣропріятія «запросамъ трудящихся массъ», выраженнымъ въ формѣ многочисленныхъ коллективныхъ заявленій, резолюцій, постановленій съѣздовъ и т. д. (инструк. 1923 г. § 4); 2) использование храма для нерелигіозныхъ цѣлей безъ его закрытія (циркуляръ НКВД 28 февраля 1919 г.); 3) передача храма въ одновременное пользование нѣсколькихъ группъ вѣрующихъ (украинск. разъяснен. 17 ноября 1922 г.) и 4) изъятіе изъ пользования вѣрующихъ отдѣльныхъ категорій предметовъ безотносительно къ ихъ религіозному значенію; установившій это изъятіе декретъ ВЦИК-а отъ 27 декабря 1921 г. послужилъ, какъ извѣстно, поводомъ къ религіозному гоненію 1922-23 г. г. Вѣрующимъ разрѣшается, правда, замѣнить подлежащіе изъятію предметы другими, равноцѣнными. Но такая замѣна затруднена тѣмъ, что она, по толкованію отдѣла культовъ не создаетъ права собственности на выкупленные вещи, такъ что при ликвидациі храма судьба ихъ опредѣляется на общемъ основаніи (разъяснен. 15 сентября 1923 г.)

Изъ того же положенія вытекаетъ то парадоксальное правило, что, несмотря на то, что вѣрующіе обязаны страховать переданные имъ храмы и имущества, въ случаѣ пожара страховыя суммы выдаются не имъ, а губ. исполн. комитету (цирк. Нар. Ком-та финансовъ и НКВД отъ 28-го дек. 1923 г.). Правда, по разъясненію НКЮ отъ 12-го апр. 1924 г., это обстоятельство возлагаетъ на губ. исп. комитеты обязанность въ той или иной формѣ прійти на помощь застраховавшей группѣ вѣрующихъ. Но эта обязанность, какъ видно изъ практики отдѣла культовъ, выполняется весьма неохотно и далеко не полностью, при чемъ не всегда достигаютъ цѣли и предложенія НКЮ; такъ, админ. отдѣлъ псковскаго губ. исполн. комитета оставилъ безъ исполненія предложеніе НКЮ о выдачѣ страховой преміи за сгорѣвшій въ с. Завережье храмъ группѣ вѣрующихъ для постройки новаго храма, полагая, что полученныя имъ страховыя преміи поступаютъ въ его полное распоряженіе. Но и НКЮ считаетъ, что если страховая премія не будетъ въ теченіе трехъ лѣтъ использована на сооруженіе новаго храма, то она, какъ представляющая эквивалентъ за сгорѣвшее государственное зданіе, поступаетъ въ доходъ государства.

Государственной собственностью являются не только тѣ храмы, которые были націонализированы въ 1918 г., но и всѣ сооруженные впоследствии на средства вѣрующихъ (разъясненіе НКЮ 24-го іюня 1925 г.). Этимъ послѣднимъ не гарантировано даже преимущественное право на полученіе сооруженнаго ими храма въ пользованіе: циркуляромъ украинскаго НКВД отъ 23-го апр. 1925 г. прямо установлено, что вновь сооруженный храмъ можетъ быть переданъ въ пользованіе и другимъ лицамъ (напр. сооруженный православными

храмъ — тому или иному толку обновленцевъ или украинскимъ автокефалистамъ).

Лишеніе религіозныхъ группъ и обществъ правъ юридическаго лица есть постановленіе, которое легче провозгласить, нежели провести: ибо власти по разнымъ поводамъ приходится имѣть дѣло съ коллективами вѣрующихъ, и ей же самой удобнѣе вступать въ сношенія не съ аморфными массами, а съ организаціями. Вѣроятно, именно поэтому первоначальный текстъ украинскаго декрета объ отдѣленіи церкви отъ государства (отъ 22-го янв. 1922 г.) не послѣдовалъ въ этомъ отношеніи за россійскимъ образцомъ. Только «въ цѣляхъ согласованія» съ РСФСР были лишены религіозныя общества на Украинѣ правъ юридическаго лица дополнительнымъ декретомъ 3-го авг. 1920 г. Впрочемъ, на практикѣ эти общества продолжаютъ пользоваться означенными правами, въ частности обладаютъ правомъ законнаго представительства въ лицѣ правленія, члены котораго зато лишаются избирательнаго права. Приближается къ тому же самому положеніе вещей и въ РСФСР. Лишеніе правъ юридическаго лица приводитъ къ тому, что исполненіе постановленій общихъ собраній и другихъ заданій можетъ быть возлагаемо религіозными группами и обществами только въ порядкѣ порученія. Но ничто не мѣшаетъ получившимъ такія порученія лицамъ объединяться въ представительный органъ, которому присваивается наименованіе церковнаго совѣта. И эти церковныя совѣты фактически признаются и совѣтскимъ правительствомъ (Гидуляновъ, стр. 148). Въ частности, судами безпрепятственно принимаются иски, вчиняемые на имя церковнаго совѣта того или иного храма; равнымъ образомъ, и исполнительные листы адресуются на имя такихъ же совѣтовъ (разъясн. НКЮ 25-го апр. 1924 г., эту практику осуждающее). На членовъ цер-

ковнаго совѣта возлагается и уголовная отвѣтственность въ случаѣ несохранности церковнаго (государственнаго) имущества («Извѣстія», 1925 г. № 33).

Такимъ образомъ, лишеніе правъ юридическаго лица на практикѣ выливается въ ограниченіе права постояннаго представительства и лишеніе права обладанія имуществомъ на правѣ собственности. Отдѣльными проявленіями этихъ нормъ являются: 1) недопущеніе возложенія на членовъ вѣроисповѣдныхъ группъ и обществъ обязательныхъ членскихъ взносовъ (типовый уст. ст. 7, прим.); извращаемое на мѣстахъ въ запретъ производства добровольныхъ сборовъ среди членовъ прихода (циркул. Украинск. НКВД 1924 г. № 2); 2) воспрещеніе религіознымъ обществамъ заключать договоры аренды свѣчныхъ заводовъ, типографій и т. п. (ст. 15 INSTR. 27-го апр. 1923 г.); 3) отклоненіе ходатайствъ о возвращеніи (возможномъ въ условіяхъ НЭП-а) быв. церковныхъ домовъ (разъясн. НКЮ 29-го авг. 1921 г) и 4) непризнаніе силы за исходящими отъ религіозныхъ обществъ удостовѣреніями, мандатами и т. п. (цирк. НКВД 15-го авг. 1921 г.). Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ эти ограниченія «углубляются». до принудительнаго отобранія у духовныхъ лицъ печатей, штамповъ и бланковъ (украин. инструк. 10-го ноября 1920 г.) или до запрета, подъ страхомъ ареста или высылки, священнослужителямъ и вообще духовнымъ лицамъ являться въ правительственныя учрежденія въ качествѣ представителей религіозныхъ обществъ (абхазскій декретъ 16-го февр. 1923 г.).

Значительныя отступленія отъ изложенныхъ нормъ заключаются въ законодательствѣ армянской, узбекской и туркменской республикъ. Въ Арменіи храмы и богослужебное имущество объявлены народнымъ достояніемъ, но по-прежнему

му находятся въ обладаніи церковныхъ общинъ не признанныхъ обычаемъ основаніяхъ. Въ Узбекистанѣ и Туркменстанѣ въ силу декрета 20-го іюня 1922 г. вакуффы почитаются имуществомъ мусульманскихъ вѣроисповѣдныхъ обществъ, для завѣдыванія ими учреждено главное вакуфное управленіе. Такимъ образомъ здѣсь не дѣйствуетъ ни принципъ принудительной бѣдности религіозныхъ обществъ, ни принципъ лишенія ихъ правъ юридического лица.

IV.

При очерченныхъ условіяхъ весьма стѣсненной представляется внутренняя дѣятельность легальныхъ религіозныхъ организацій. Съ юридической точки зрѣнія она сводится, собственно говоря, къ устройству безъ предварительнаго разрѣшенія, молитвенныхъ собраній въ предоставленныхъ имъ храмахъ,*) и къ устройству, съ предварительнаго увѣдомленія милиціи, общихъ собраній группы или общества для разрѣшенія вопросовъ о содержаніи храма и управленіи богослужебнымъ имуществомъ. Въ этихъ возможностяхъ, съ точки зрѣнія совѣтскаго права, заключается извѣстная привилегія, т. к. по вопросу объ организаціи собраній

---

*) Если не имѣется свѣдѣній о вмѣшательствѣ властей въ порядокъ отправленія богослуженія, то одна изъ составныхъ частей его, проповѣдь, нерѣдко подвергается прямому или косвенному воздействию. Изъ циркуляра НКЮ отъ 3-го янв. 1919 г. явствуетъ, что нѣкоторые совѣты примѣняли, въ качествѣ репрессивной мѣры противъ священнослужителей, абсолютное запрещеніе проповѣди. Судебная практика 1925 г. показываетъ случай присужденія священника къ 3-лѣтнему заключенію за то, что онъ называлъ школу, въ которой происходилъ антирелигіозный спектакль, домомъ разврата, и призывалъ своихъ прихожанъ не посѣщать такихъ спектаклей и не посылать на нихъ своихъ дѣтей (Изв. 1925 г. № 107). Съ другой стороны, на Украинѣ встрѣчается практика воспрещенія посѣщеній богослуженія лицамъ, не достигшимъ 18-лѣтняго возраста, и даже обязываетъ руководителей слѣдить за выполненіемъ такого предписанія (Цирк. Украинск. центр. исполн. комитета 1924 г. № 6).

оно, вообще говоря, придерживается разръшительной системы.

Этимъ либерализмъ совѣтскаго права въ отношеніи проявленій религіозной жизни и исчерпывается. Ибо въ качествѣ дальнѣйшаго принципа его можно установить если не воспрещеніе, то далеко идущее стѣсненіе всякой публичной религіозной жизни внѣ рамокъ приходской дѣятельности. Это стѣсненіе находитъ свое выраженіе въ 4 направленіяхъ: 1) въ воспрещеніи гдѣ либо, кромѣ храмовъ, публично выставлять религіозныя эмблемы и публично совершать носящія религіозный характеръ дѣйствія; 2) въ ограниченіи права частныхъ молитвенныхъ собраній; 3) въ далеко идущихъ ограниченіяхъ религіознаго преподаванія и 4) въ ликвидаціи всякихъ церковныхъ установленій, за исключеніемъ переданныхъ обществамъ вѣрующихъ храмовъ.

1. Въ первомъ направленіи ст. 4 декрета 1918 г. ограничивается установленіемъ того правила, что дѣйствія государственныхъ и иныхъ публично-правовыхъ общественныхъ установленій не сопровождаются никакими религіозными обрядами или церемоніями. Инструкція 24-го авг. 1918 г. (§ 29) восполняетъ это правило прежде всего воспрещеніемъ имѣть въ вышеуказанныхъ помѣщеніяхъ какія либо религіозныя изображенія. Весьма широкое толкованіе понятію публично-правоваго помѣщенія даетъ отдѣлъ культвъ въ разъясненіи 1-го февр. 1923 г. «При совѣтскомъ строѣ (это понятіе) не можетъ быть опредѣлено по случайному признаку юридическаго собственника. Такъ, столовыя, рестораны, пивныя, заводы, мастерскія и т. д. могутъ числиться въ собственности частныхъ гражданъ, но примѣнять къ нимъ старыя нормы института частной собственности невозможно. Поэтому запретъ вывѣшивать идолы или иконы дѣйствуетъ всюду, гдѣ

примѣнимы нормы публичнаго права, а онѣ примѣнимы всюду, гдѣ практикуется коллективный наемный трудъ и публичное, доступное всякому гражданину, пользованіе тѣми или иными помѣщеніями». Въ связи съ общимъ запретомъ совершенія религиозныхъ обрядовъ въ государственныхъ установленіяхъ могъ быть поднятъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности завѣдующаго больницей врача за то, что онъ разрѣшилъ пригласить священника для причащенія умирающаго; случай этотъ, правда, былъ разрѣшенъ въ благопріятномъ для врача смыслѣ (отношеніе НКЮ отъ 18-го янв. 1924 г.).

Инструкція 1918 г. устанавливаетъ, далѣе, что религиозныя шествія, а также совершеніе какихъ либо религиозныхъ обрядовъ на улицахъ или площадяхъ допускается лишь съ письменнаго разрѣшенія власти (§ 31). Отдѣлъ культовъ разъяснилъ дополнительно, что подъ дѣйствіе § 31 инструкции подпадаютъ и религиозныя шествія съ хоругвями и колокольнымъ звономъ при похоронахъ, и далъ мѣстнымъ органамъ директиву не допускать совершенія молебномъ на рынкахъ и базарныхъ площадяхъ (10 янв. 1922 г.). Мѣстная власть иногда пытается затруднить совершеніе крестныхъ ходовъ, требуя специальныхъ, сопряженныхъ съ расходами по гербовому сбору разрѣшеній отъ каждой деревни, по которой ходъ долженъ пройти, или выдавая такія разрѣшенія въ инстанціяхъ не ниже уѣздныхъ (цирк. НКВД отъ 12-го февр. 1925 г., эту практику осуждающій). Мѣстами власти не разрѣшали сектантамъ совершать требуемое ихъ вѣроученіями крещеніе подъ открытымъ небомъ (цирк. укр. НКВД отъ 4-го марта 1925 г.).

2. Частныя молитвенныя собранія гражданъ, по той или иной причинѣ не образовавшихъ религиознаго общества или группы, правда, до-

пускаются — но только при условии заблаговременнаго извѣщенія власти о времени и мѣстѣ собранія и полученія отъ нея разрѣшенія (разъяс. 29-го авг. 1923 г., 27-го сент. 1923 г. и 28-го іюля 1924 г.). А такія разрѣшенія, какъ показываетъ практика, далеко не всегда даются. Такъ, ликвидировавъ фабричныя храмы во Владимірской губ. при фабрикахъ «Коммунистическій авангардъ» и «Свердлова», мѣстная власть вообще воспретила молитвенныя собранія гражданъ. Въ другихъ мѣстахъ эти молитвенныя собранія разрѣшены только группамъ въ составѣ не менѣе пятидесяти человекъ, явно путая правила о молитвенныхъ собраніяхъ съ правилами о религіозныхъ обществахъ (циркуляръ украинск. НКЮ отъ 8-го февр. 1924 г. предписываетъ эту практику оставить). Встрѣчаются запрещенія священникамъ ходить по домамъ прихожанъ, желающихъ пригласить ихъ къ совершенію требъ (разъясненіе НКЮ отъ 18 сент. 1923 г.) или обусловливаніе такихъ обходовъ подачей особыхъ ходатайствъ, оплаченныхъ гербовымъ и канцелярскимъ сборами.

3. По вопросу о преподаваніи Закона Божія декретъ 1918 г. ограничился провозглашеніемъ принципа отдѣленія школы отъ государства и запретомъ преподавать религіозныя вѣроученія во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ, а также тѣхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподаются общеобразовательныя предметы (ст. 9), но прямо установилъ, что граждане могутъ обучать и обучаться религіи частнымъ образомъ (тамъ же).

Если декретъ 1918 г. означаетъ только запрещеніе школьнаго преподаванія Закона Божія, то состоявшимся 13-го іюня 1921 г. постановленіемъ всеросс. центр. исполн. комитета установлено, «что преподаваніе вѣроученія лицамъ, не достигшимъ 18-лѣтняго возраста, не допускается; для

лицъ старше 18 лѣтъ могутъ быть устраиваемы спеціальныя богословскіе курсы съ цѣлью подготовки священнослужителей, но при условіи ограниченія программы такихъ курсовъ спеціально богословскими предметами». Мысль, положенная въ основу этого постановленія, ясно раскрывается въ нижеслѣдующемъ отвѣтѣ отд. юстиціи Карельской трудовой коммуны на ходатайство членовъ междуприходскаго совѣта церквей гор. Петрозаводска о разрѣшеніи преподаванія Закона Божія дѣтямъ: «Указаніе на то, что свое высокое признаніе человѣкъ можетъ выполнить только, получивъ въ основу своей жизни евангеліе — не основательно... Безспорно, что преподаваніе дѣтямъ Закона Божія влечетъ за собой затемнѣніе ихъ дѣтскихъ головъ; совѣтская власть, на коей лежитъ воспитаніе и образованіе дѣтей, должна оградить ихъ дѣтскія головы отъ наполненія религиозными предрасудками» (Гидуляновъ стр. 368-9).

При дѣйствиі постановленія 13-го іюня 1921 г., преподаваніе Закона Божія допускается лишь лицамъ старше 18 лѣтъ, и при томъ внѣ школы. Что касается упоминаемыхъ въ постановленіи богословскихъ курсовъ, то учрежденіе ихъ допускается только въ губернскихъ городахъ и только съ разрѣшенія губ. исполн. комитета по соглашенію его съ Нар. комиссаріатомъ Просвѣщенія и отдѣломъ культовъ НКЮ (разъясн. 2-го мая 1923 г.)

Новѣйшая практика въ отношеніи стѣсненія преподаванія Закона Божія идетъ значительно дальше. Основываясь на томъ, что въ силу ст. 9 декрета объ отдѣленіи церкви отъ государства допущено обученіе Закона Божія «частнымъ образомъ», и на томъ, что инструкціей Нар. Комиссаріата внутр. Дѣлъ отъ 22-го декабря 1923 г. вообще воспрещены групповыя занятія съ дѣтьми внѣ школы, отдѣлъ культовъ призналъ недопу-

стимымъ преподаваніе Закона Божія въ храмахъ (разъясненіе 16-го іюля 1924 г.), а преподаваніе на дому признанъ допустимымъ лишь при условіи, чтобы оно не отливало въ форму групповыхъ занятій, каковыми должны быть признаваемы всякія занятія съ дѣтьми числомъ свыше трехъ, безразлично, принадлежатъ ли они къ одной семьѣ или къ нѣсколькимъ (разъясн. 1-го сент. 1924 г.). Самое запрещеніе групповаго преподаванія подкрѣплено циркуляромъ нар. ком. внутр. дѣлъ отъ 1-го апр. 1924 г., согласно коему такое преподаваніе должно быть предусмотрѣно обязательными постановленіями губ. исп. комитетовъ съ привлеченіемъ виновныхъ къ отвѣтственности въ административномъ порядкѣ.

Значеніе запрета преподаванія усиливается на Украинѣ недопущеніемъ лицъ, не достигшихъ 18-лѣтняго возраста, на собранія, имѣющія цѣлью преподаваніе религіи, какъ-то: библейскія, миссіонерскія и проповѣдническія; равнымъ образомъ, не могутъ быть тамъ устраиваемы спеціальныя дѣтскія и юношескія религіозныя собранія (цирк. центр. исп. комитета 1924 г. № 6).

Запретъ религіознаго преподаванія не дѣйствуетъ, однако, на восточныхъ окраинахъ совѣтскаго союза въ отношеніи мусульманъ. Въ республикахъ Узбекской и Туркменской продолжаютъ функционировать мусульманскія духовныя учебныя заведенія, низшія (мектебе) и среднія (мед-рессе). Въ связи съ этимъ 14-го февр. 1923 г. утвержденъ уставъ просвѣтительнаго общества «Махкамей Шарія», содержамаго за счетъ доходовъ отъ вакуфовъ. Въ числѣ функцій этого общества указаны «принятіе мѣръ для распространенія среди населенія революціонныхъ, религіозныхъ и научныхъ мыслей» и «извѣщеніе мѣстныхъ властей о совершеніи кѣмъ-либо дѣйствій, вредныхъ общественности, противныхъ Ис-

ламу и народной совѣсти». Ясно, что въ названныхъ республикахъ населеніе представляется съ точки зрѣнія религіозной свободы неравноправнымъ. Впрочемъ, та же неравноправность существуетъ и въ восточныхъ губерніяхъ РСФСР, т. к. президіумъ всеросс. центр. исполн. комитета далъ директиву не препятствовать организаціи групповыхъ занятій въ мечетяхъ или внѣ ихъ для лицъ, исповѣдующихъ мусульманскую религію и при томъ окончившихъ первую ступень единой трудовой школы или достигшихъ 14-лѣтняго возраста.

4. О ликвидаціи всѣхъ церковныхъ установленій, кромѣ приходскихъ храмовъ, декретъ 1918 г. не говоритъ ничего. Тѣмъ не менѣе, ссылаясь на него, власть ликвидировала: а) всѣ домовыя церкви (въ силу того, что учрежденія, при коихъ они состояли, стали сплошь государственными, т. е. несовмѣстимыми съ религіозными эмблемами), и б) монастыри (на томъ основаніи, что правила передачи вѣрующимъ зданій и богослужебныхъ предметовъ къ нимъ не примѣнимы). Для избѣжанія ликвидаціи, многіе монастыри сдѣлали попытки перестроиться въ трудовыя коммуны. Власть скоро раскрыла эти попытки и издала рядъ распоряженій, долженствующихъ ихъ обезвредить. Сюда относятся: а) предписаніе различать среди монастырскаго населенія «трудовой элементъ», и тѣхъ, кто эксплуатировалъ ихъ религіозное чувство (цирк. НКЮ 3-го янв. 1919 г. § 8), при чемъ только относительно первыхъ рекомендуется «нелишеніе ихъ правъ, предоставляемыхъ законами республики»; б) установленіе правила, согласно которому члены коммуны могутъ пользоваться храмомъ по соглашенію съ мѣстнымъ совѣтомъ, но извлекать доходовъ отъ этихъ религіозныхъ имуществъ, отъ религіозныхъ обрядовъ и церемоній не могутъ, ибо они тогда превра-

щаются изъ коммуны въ общину, живущую эксплоатаціей религіознаго чувства другихъ гражданъ (разъясн. 29-го марта 1919 г.) и в) предписаніе вводитъ въ уставы монастырскихъ коммунъ правило о допущеніи въ составъ членовъ желающихъ независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія (тамъ же).

Къ числу мѣропріятій, препятствующихъ нормальному теченію религіозной жизни, можно отнести и постановленіе президіума всеросс. центр. испол. комитета отъ 30-го іюля 1923 г. о перенесеніи дней отдыха, совпадающихъ съ религіозными праздниками, со стараго на новый стиль.*) Это постановленіе можно объяснить только желаніемъ оказать услугу обновленцамъ, облегченіемъ посѣщенія въ праздники ихъ храмовъ и затрудненіемъ посѣщенія вѣрующими храмовъ, оставшихся вѣрными патріаршей церкви и не перешедшихъ на новый стиль. Значеніе этого акта усугублено постановленіемъ президіума всеросс. центр. испол. комитета отъ 26-го янв. 1925 г., которое, осуждая мѣстную практику наложенія административныхъ взысканій за закрытіе торговыхъ заведеній въ дни непризнаваемыхъ государствомъ религіозныхъ праздниковъ, въ то же время прямо предписываетъ налагать такіа взысканія за закрытіе въ означенные дни предпріятій, торгующихъ предметами первой необходимости, а также ресторановъ, столовыхъ и чайныхъ.

V.

Къ только что разсмотрѣннымъ ограниченіямъ проявленій религіознаго чувства присоединяются мѣропріятія, направленные къ стѣсненію активнаго элемента церкви, духовенства. Въ этомъ отношеніи центральное мѣсто принадлежитъ по-ста

*) Постановленіе это въ настоящее время, повидимому, предназначено къ отмѣнѣ.

новленіямъ всѣхъ совѣтскихъ конституцій, лишającychъ служителей культа активнаго и пассивнаго избирательнаго права, и при томъ независимо отъ того, является ли для нихъ религіозное служеніе профессіей или нѣтъ. Лишеніе политическихъ правъ, какъ таковое, безразличное для духовенства, сопровождается цѣлымъ рядомъ дальнѣйшихъ ограниченій правоспособности, общихъ для всѣхъ «нетрудящихся».

Но духовенство не только отнесено къ низшему въ совѣтской Россіи сословію. Оно образуетъ въ послѣднемъ особо приниженную (въ правовомъ отношеніи) группу, будучи лишеннымъ такихъ правъ, которыя вообще говоря у этого сословія не отнимаются. Еще циркуляръ нар. Ком. Просвѣщенія отъ 3-го марта 1919 г. воспретилъ лицамъ, принадлежащимъ къ составу духовенства, занимать какія либо должности во всѣхъ школахъ. А постановленіе сов. нар. комиссаровъ отъ 21-го янв. 1921 г. сильно сократило ихъ служебную правоспособность, воспретивъ имъ: 1) занимать какія либо должности по отдѣламъ народнаго образованія, юстиціи, замледѣлія, рабоче-крестьянской инспекціи, управленія и продовольствія; 2) занимать какія либо должности внѣ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ и 3) занимать какія либо должности, оплачиваемыя высокими тарифными ставками.

Къ этимъ легальнымъ ограниченіямъ присоединяются умаленія праваго положенія, вытекающія изъ опредѣленно злостнаго истолкованія въ отношеніи духовенства ряда декретовъ. Такъ ригористически примѣняются къ духовенству правила о совмѣстительствѣ: таковое почитается даннымъ при назначеніи служащему въ государственномъ установленіи духовному лицу постояннаго (денежнаго или натуральнаго) оклада отъ вѣрующихъ.

VI.

Положеніе церкви въ совѣтскомъ государствѣ интересно сопоставить съ положеніемъ организацій, призванныхъ обслуживать и распространять офіціальное міровоззрѣніе. Церковь, какъ таковая, юридически не признается, а ея приходскія ячейки подвергаются многостороннимъ стѣсненіямъ — въ то время, какъ для пропаганды матеріалистическаго міросозерцанія создаются широко развѣтвленные органы. Церковныя общества лишены прежняго имущества, а приобрѣтенію ими новаго ставятся препоны — въ то время, какъ органы государственной пропаганды обильно снабжаются средствами. Церковь лишена права преподаванія своего вѣроученія дѣтямъ — въ то время, какъ матеріалистическое міросозерцаніе является предметомъ обязательнаго преподаванія во всякой школѣ. Служители церкви отнесены юридически къ самой низшей группѣ населенія — въ то время, какъ проповѣдники матеріализма пользуются всякимъ поощреніемъ. Это сопоставленіе даетъ право сдѣлать выводъ, что въ совѣтской республикѣ существуетъ государственная религія (каковой, конечно, является ученіе матеріализма), тогда какъ всѣ противостоящія этой религіи вѣроисповѣданія выступаютъ въ положеніи угнетаемыхъ. При этомъ, противостоящія офіціальному ученію вѣроисповѣданія трактуются различно. Наибольшимъ стѣсненіемъ подвергается православіе. Нѣкоторыми привилегіями пользуются отколовшіяся отъ православія ученія и секты. Наибольшей степенью свободы пользуются мусульманское вѣроученіе.*)

---

*) Въ сильной мѣрѣ привилегированнымъ представляется и армяно-грегоріанское вѣроисповѣданіе. Живущіе разсѣянными группами католики, протестанты и евреи, повидимому, должны быть относимы къ средней группѣ.

Такимъ образомъ, вопреки оффиціальнымъ заявленіямъ, но согласно заявленію, заключающемуся въ соловецкомъ посланіи, положеніе церкви и религіи въ совѣтской Россіи отнюдь не опредѣляется системой отдѣленія церкви отъ государства. Эта система допускаетъ, правда, извращенія въ родѣ допущенныхъ во Франціи въ первые годы проведенія принципа отдѣленія,*) но допускаетъ она и поставленіе церковей и религій въ то достойное положеніе, которымъ онѣ пользуются въ С.-Амер. Соед. Штатахъ. Не допускаетъ она, однако, ни государственнаго гоненія на религію, ни пристрастнаго отношенія государства къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, что, какъ показало предшествующее изложеніе, имѣетъ мѣсто въ совѣтской Рѣссіи. Совѣтское «церковное право» въ дѣйствительности опредѣляется системой связанности государства съ опредѣленнымъ вѣроученіемъ, системой, какъ это обыкновенно бываетъ, непослѣдовательно проводимой въ смыслѣ созданія для религій многообразныхъ условій правового существованія. Только въ обстановкѣ этого многообразія можетъ быть понято и оцѣнено посланіе митрополита Сергія. Для нынѣшней російской власти самый отказъ отъ принципа конфессіональнаго индифферентизма является внутреннимъ пораженіемъ, по своему значенію не меньшимъ, нежели фактической отказъ отъ принциповъ коммунизма въ области хозяйства. При такихъ условіяхъ каждое восхожденіе не отказывающейся отъ своей внутренней сущности церкви по лѣстницѣ правовыхъ возможностей равносильно сдачѣ властью одной изъ своихъ позицій.

Н. С. Т и м а ш е в ъ .

---

*) Французскіе законы 1905 г. и первоначальная по нимъ практика, несомнѣнно, отразились на декретѣ 23-го янв. 1918 г. и инструкціи 24-го авг. 1918 г.